

## **В опросе о X Конгрессе этнографов и антропологов приняли участие:**

**Сергей Александрович Арутюнов** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

**Виктор Михайлович Викторин** (Астраханский государственный университет)

**Елена Ильинична Голубева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

**Надежда Анатольевна Дубова** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

**Марина Александровна Жигунова** (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН)

**Татьяна Николаевна Золотова** (Сибирский филиал Российского института культурологии, Омск)

**Татьяна Семеновна Иларионова** (Институт энергии знаний, Москва)

**Ирина Владимировна Козлова** (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

**Михаил Петрович Крылов** (Институт географии РАН, Москва)

**Александр Александрович Новик** (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

**Елена Эдуардовна Носенко-Штейн** (Институт востоковедения РАН, Москва)

**Наталья Львовна Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

**Николай Викторович Серов** (Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы)

**Роман Юрьевич Федоров** (Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень)

**Валентина Ивановна Харитонова** (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

**Анатолий Николаевич Ямсков** (Сектор этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН, Москва)

## Х Конгресс этнографов и антропологов: впечатления участников

### ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Наиболее значимым научным событием этого года для нашего профессионального сообщества, несомненно, стал Х Конгресс этнографов и антропологов, который состоялся в Москве в первых числах июля<sup>1</sup>. Два года назад наш журнал провел опрос по итогам предыдущего, петрозаводского конгресса и опубликовал впечатления, присланные 64 участниками. Тогда мы писали о том, что в нашем сообществе «явно ощущается необходимость более отчетливых проявлений профессиональной идентичности». КЭАР позволяет участникам «почувствовать себя членами большого этнографического (антропологического) сообщества», но, к сожалению, пока это единственное объединяющее нас мероприятие<sup>2</sup>.

В этом году редколлегия журнала решила провести такой же опрос по итогам юбилейного конгресса. Потенциальных авторов мы попросили поделиться своими впечатлениями об этом событии и предложениями по организации следующего конгресса. Вопросы остались прежними.

**1**

*Каково ваше общее впечатление от конгресса? В чем вам видятся преимущества и недостатки таких мероприятий? Стало ли для вас что-то приятной / неприятной неожиданностью в работе конгресса?*

<sup>1</sup> См. программу Х КЭАР и другую информацию о нем на сайте Института этнологии и антропологии РАН: <[http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe\\_meny/associaciy/xcong.html](http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe_meny/associaciy/xcong.html)>.

<sup>2</sup> См. впечатления о IX Конгрессе в пятнадцатом электронном выпуске «Антропологического форума»: <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/congress2.pdf>>.

- 2 *Укажите, пожалуйста, в каких секциях вы участвовали и в каком качестве (ведущий секции, докладчик, слушатель). Охарактеризуйте коротко их работу.*
- 3 *Какие выступления произвели на вас впечатление (с позитивной и негативной стороны)? Какие обсуждения (в том числе кулуарные) вам запомнились и почему?*
- 4 *Возникали ли ситуации принципиального неприятия или непонимания другой научной позиции? Как вам кажется, различия научных позиций участников конгресса определяются принадлежностью к разным школам, поколениям, дисциплинарным областям или чем-то еще?*
- 5 *Какие у вас есть предложения / пожелания к работе и организации следующего конгресса?*

Мы отправили приглашения почти по четыремстам адресам, предоставленным руководителями секций, но получили гораздо меньше ответов, чем ожидали. В этот раз своими впечатлениями поделились 18 человек (из Архангельска, Москвы, Омска, Санкт-Петербурга, Тюмени). Кажется, что такое резкое падение активности неслучайно.

Больше половины реплик принадлежит самим руководителям секций, которые занимались подготовкой к конгрессу и знают «внутреннюю кухню», отбирали доклады, вели заседания, но имели меньше времени, чтобы посещать остальные мероприятия. Их ответы содержат мини-отчеты о работе собственных секций, но ни в одном не упоминаются другие секции и доклады, за исключением пленарных. Из отозвавшихся рядовых участников только двое поделились впечатлениями от нескольких секций.

Как показывают наш опыт и материалы предыдущего опроса, полученная из ответов картина недостаточно адекватно отражает работу последнего конгресса и сложившиеся практики проведения КЭАР и участия в них (в частности, большинство участников стремятся побывать на разных секциях). Тем не менее мы решили поделиться с читателями АФ некоторыми своими впечатлениями от пришедших ответов.

Похоже, главное преимущество Конгресса этнографов и антропологов перед любыми конференциями заключается в несравненно большем числе участников. Конгресс — это прежде всего *встреча* с коллегами, что неоднократно отмечалось в ответах. Он предоставляет возможность непосредственного общения исследователям из разных городов, работающим в разных области и выступающим на разных конференциях. Определение его как *смотр*а научных сил и достижений, которое

тоже встречается, более сомнительно. Конгресс — не выставка, и никто из его участников не в силах обозреть даже десятой доли происходящего. Несоответствие между грандиозностью действия и возможностью его воспринять, положение зрителя (слушателя), мечущегося между разными секциями в попытках захватить самое интересное, авторы относят к основным, но неизбежным недостаткам любого конгресса, в том числе и КЭАР.

Иначе говоря, главное (не реализуемое в удовлетворительной степени) желание рядового участника конгресса — встретить как можно больше людей и услышать больше выступлений. Это провоцирует его не сидеть на одной секции, а перемещаться между многими. К тому же некоторые докладчики подают заявки и выступают на двух, а то и трех секциях. Не случайно звучат пожелания, чтобы конгрессы проходили в ограниченном пространстве (в одном здании, а лучше — пансионате за городом) и реальная программа всех заседаний была известна заранее и точно соблюдалась, что позволило бы попасть на большее число интересных докладов.

Очевидно, что интенция организаторов и ведущих секций ровно противоположная, хотя в полученных ответах это не рефлексировано. Секции строятся как тематические мини-конференции, а по числу участников иногда и как полноценные. Соответственно, в задачи руководителей входит не просто организовать поочередные выступления докладчиков, а провести хотя бы небольшое обсуждение каждого и заключительную дискуссию. В идеале для этого нужно, чтобы участники, как на обычной конференции, прослушали все доклады и включились в итоговое обсуждение, что не соотнобразится с их желанием посетить многие секции. Кроме того, руководители ограничены в пространстве и времени. Часто у них нет возможности продлить заседание, если возникла интересная дискуссия или оказался нарушен регламент, потому что по окончании одной секции в том же помещении начинается другая. Как правило, регламент выступлений на конгрессе меньше, чем на конференциях, — в лучшем случае пятнадцать минут на доклад и пять на вопросы. К середине заседания нередко обнаруживается, что времени осталось недостаточно, и регламент еще ужимают. Перестроиться на ходу могут не все докладчики — выступления получаются скомканными, оборванными, вопросов почти не задают, нарастают обиды. Наблюдать за этим — небольшое удовольствие, и до заключительной дискуссии в таких случаях выдерживают не все, а участвуют в ней и вовсе немногие.

Со своей стороны руководители секций часто винят оргкомитет конгресса, выделивший им недостаточно времени. Причем

подспудно у тех и других присутствуют оценки «много участников = актуальная тема = достойная секция», «много секций = много актуальных тем = достойный конгресс». Отказать ученым с именем нельзя — их выступления и возглавляемые ими секции составят честь конгрессу. Отказывать исследователям из регионов нехорошо — для них участие в таком мероприятии важнее, чем для жителей столиц, избалованных конференциями и общением в кругу «больших ученых». Вообще одна из бед конгресса — отсутствие общих для всех секций критериев отбора.

При этом с точки зрения научной составляющей (возможности представить результаты исследования и быть услышанным, обсудить частные и общие проблемы того или иного направления, т.е. в плане профессиональной продуктивности) конгресс очевидно хуже обычной тематической конференции. Краткие тезисы докладов, собранные в гигантский том (печатный или на CD), не решают перечисленные проблемы и постфактум. Однако участники в один голос заявляют, что конгрессы этнографов и антропологов очень важны и их необходимо проводить и впредь. Повышенное внимание авторов к организационным моментам и «культурной программе» подтверждает, что научная составляющая этого мероприятия для его участников отнюдь не единственная, а возможно, и не приоритетная. Доклады, их обсуждение, кулуарное общение, концерты, фуршеты и экскурсии объединяются в некий «научный досуг» на конгрессе. И какие бы недовольства ни возникали, их перевешивает благодарность организаторам конгресса и отдельных секций за то, что они состоялись, за возможность участия и радость встречи.

Так что же такое Конгресс этнографов и антропологов и чем он нам так важен?

По-видимому, одна из главных, если не самая главная, функций конгресса — коммуникативная. Он восполняет недостаток связей, общения, обмена информацией в нашем сообществе — разумеется, в недостаточной степени, но хотя бы отчасти. Он дает нам ощущение общности, нужности, осмысленности нашей деятельности, проще говоря, поддерживает нашу профессиональную идентичность. Не случайно число участников КЭАР неуклонно растет, темы конгрессов почти не ограничивают круг выступающих (покопавшись в своих материалах, всяк находит что-нибудь подходящее), а отклонение заявки (на выступление или организацию секции) воспринимается болезненно.

На этом фоне показательна ситуация с реформой РАН, совпавшая по времени с проведением последнего конгресса. О ней

с возмущением или тревогой писали многие авторы, а ответ Александра Новика почти полностью посвящен и собственно этим событиям, и нынешнему положению российской науки в целом. Действия властей были восприняты участниками конгресса как попытка дискредитации Академии наук и покушение на ее (относительную) независимость, а совпадение с нашим профессиональным собранием-праздником — как злая ирония. И вместе с тем даже в ситуации «внешней агрессии» значительная часть сообщества, так вовремя собравшаяся вместе, не сумела выработать общие формы противостояния.

Похоже, наше сообщество продолжает пребывать в состоянии перманентного становления. Мы ощущаем недостаток взаимодействия друг с другом (актуальных связей, регулярного общения, обмена информацией, поддержки), нам не хватает проявлений профессиональной идентичности, но мы не научились восполнять это в научной повседневности. Вся нагрузка ложится на единственное общее мероприятие, проходящее раз в два года. И, естественно, КЭАР справляется с ней не в той мере, в какой мы от него ждем. Но отчасти справляется, и при нашей разобщенности это большое благо. Дальнейшее — за нами.

Редколлегия и редакция «Антропологического форума» выражают благодарность организаторам конгресса за большую и столь важную работу.

Спасибо всем приславшим свои ответы.

## СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ

1

Общее впечатление, довольно неожиданно, очень хорошее. Все такие мамонтоподобные мероприятия имеют общий недостаток гигантизма, и нет смысла повторять уже неоднократно отмечавшееся. Хорошо зная все трудности, помехи, нестыковки и неблагоприятные обстоятельства и в период подготовки, и в момент проведения прошедшего в июле конгресса, можно только поздравить его руководителей и организаторов с успешным выполнением поставленных нелегких задач.

2

3

4

Совместно с Т.А. Ворониной я руководил секцией 22, посвященной праздничной и обрядовой пище. Диапазон докладов был широк, все они были построены на личных, в основном полевых исследованиях, зачастую довольно экзотических и нетривиальных. Хотя регламент выдерживался довольно жестко, все же времени хватило на вопросы и некоторую плодотворную дискуссию. Мне были особенно интересны сообщения Виктории Голбцевой (чукчанки из Уэлена) об этноинтегрирующей функции традиционной пищи у чукчей, Ирины Остроух о пищевых предпочтениях и их обеспечении у наших соотечественников за рубежом. Принципиальных различий, тем более их неприятия я вовсе не заметил.

**Сергей Александрович Арутюнов**

Институт этнологии  
и антропологии РАН,  
Москва  
gusaba@iea.ras.ru

5

Следующий конгресс, который должен быть в Екатеринбурге, надеюсь, будет более камерным мероприятием, во всяком случае число секций надо ограничить.

## ВИКТОР ВИКТОРИН

### **Конгресс как юбилей: нижеволжский взгляд (высотные просторы: город для этнологии и ученые о городах)**

Конечно, юбилей — это всегда праздник профессии (и всех, давно или недавно к ней «примкнувших»). А еще налицо итоги новой традиции — почти 20 лет большой работы и серьезных преобразований. Тем более если юбилейный конгресс продолжает февральское 80-летие Института этнологии и этнографии, проходит в столице и (по совпадению, увы, с острыми событиями академической жизни) в главном здании РАН на Ленинском проспекте. И к тому же в преддверии доброго Дня экспедиций, Дня Н.Н. Миклухо-Маклая (17 июля). Впечатляет и рост числа участников от конгресса к конгрессу.

Вспоминаю свой первый этноконгресс — третий, тоже московский (8–11 июня 1999 г.), первый опыт во главе секции по этносоциальным структурам. Словно всплыло *déjà vu* — и «златоглавый» комплекс, и огромный зал, и счастливая атмосфера общения. Разве что мы все повзрослели чуть-чуть. И вновь концерт юных энтузиастов фольклора, а тогдашним артистам 1999 г. из Подмоскovie теперь уж за 30 лет (где, как они?).

Умеют же организаторы «украсить» наш строгий конгресс: жаль, что сорвалась поездка в Крылатское, зато прогулка по Москве-реке — идея замечательная. Недостатки и спорные моменты, видимо, имелись. Но не в них суть. Идея «участникам тезисы конгресса — на CD-диске» вообще замечательна.

**Виктор Михайлович Викторин**

Астраханский государственный университет  
victvic@mail.ru



Очень славно постаралась служба размещения — партнеры конгресса, фонд «Россияне» / ООО «Эксполайн» (и лично Игорь Николаевич Филиппов). Замечаний и претензий слышать не пришлось.

**1**

И самое главное — есть теперь, что вспомнить, будет, что обсудить.

Замечательными, высококомпетентными были все пленарные выступления и доклады, а также итоговая актовая лекция президента Ассоциации этнографов и антропологов России академика Валерия Александровича Тишкова. Отрадной новостью стало теплое письменное приветствие президента РФ. К слову, сразу хотелось бы поддержать предложение Владимира Владимировича Путина (2011 г.) о воссоздании в РГО Этнографической комиссии.

**2**

Отлично была организована и прошла (благодарность модератору — Саяне Баировне Намсараевой, докторанту из Улан-Удэ, она общалась с участниками весь год подготовки) секция 9 «Приграничный урбанизм: имперская и постимперская практики» симпозиума 2. Мы услышали и обсудили многое очень важное и полезное и для западной границы, и для востока Сибири, и для Прикаспия-Предкавказья. Примеры были яркие, очень актуальные, скажем, касавшиеся городов на российско-китайской границе, где интенсивно идет обмен культурами (и, конечно же, товарами).

Посетил я и завершающее, прямо перед закрытием (last, but not least), заседание круглого стола № 5 «Евреи как традиционно городские жители», где был рассмотрен этот важный пример городской (и пригородной) этничности. Вел его признанный корифей иудаики Михаил Анатольевич Членов, как всегда, насыщено и содержательно.

**3**

На секции «приграничный урбанизм» следует выделить двоих коллег, представителей Института географии — Михаила Петровича Крылова и его ученика Антона Алексеевича Гриценко. Их доклады прекрасно дополняли друг друга — о русско-украинском пограничье (с ясной «картосхемой»), где население связывает понятия «малая родина» и «земляк» с городами и их ареалами по обе стороны нынешней границы.

Не удалось попасть, к сожалению, на секцию и доклад к уважаемому Виктору Анатольевичу Авксеньеву из Ставрополя. Его ключевой тезис «то, что понимается людьми как этнический конфликт, по сути этническим конфликтом и является» — уже обсуждался и обсуждаться будет. Любопытно рассматривались также палеоантропологические (археологические) и обыденно-лингвистические рамки оформления конфликтов.

## 4

На вопрос о принципах науки и взаимопонимании ученых ответить непросто, даже очень непросто. В «племени этнологов» и вокруг него — свои кружки у костра и свои возрастные классы. Но вот классическая российская школа этнографов — она жива. А лучшие зарубежные наработки теперь успешно адаптированы, притом по-своему. И именно на данном конгрессе ушли, похоже, на второй план прежние споры о терминах и их объеме. Никто не стремился подчеркнуть некую разницу, скажем, в понимании «этноса с его самосознанием» и «этничностью-идентичностью». Хотя несколько более скрытых тенденций попытаюсь наметить.

Интересно отмеченное В.А. Тишковым постепенное выделение цикла антропологических наук и учебных дисциплин. Названная им лингвоантропология — лишь одна из ожидаемых. Но собственно «этника» (коллектив с прочными узлами внутри, язык и диалект, осознанная традиция, верования и символы древнего ритуала, самосознание и самообозначение) нередко утрачивает свою определенность, ограничивается лишь сферой методики опроса и наблюдения, где и теряется. Тем более что конгрессы регулярно показывают тяготение к «этническому» многих деятелей из смежных областей знания. Что неизбежно, да и в общем-то неплохо. Однако «родовое ядро» сохранять необходимо.

Наметился благой поворот от вольностей и расплывчатости постмодернизма к обретению вновь строгой академичности и доскональности. Хотя «дискурсивность» и «синэргемы» держат занятую ими сферу по-прежнему. Любопытно рассматривалась роль Интернета, обретенная им «антропология» и влияние на эти процессы этнических факторов.

О смелом и спорном. Небезопасному (согласуюсь с этим определением) «этногенóму» было посвящено, однако, до 10-ти сообщений. Тема интересна и, как чувствуется, способна позволить нашей науке вскоре вернуться к подзабытым проблемам «этногенеза» народов и территорий.

Учтем все же, что «этноурбанистика» — не самая благодатная жила для поиска глубин «первичных» традиций. В ней неизбежно преобладают социологические методики — от наблюдения и анкет до количественного обсчета. К «городской истории» обращались чаще как к предисловию. И лишь десятка два докладчиков взяли ее в качестве темы, в том числе участники из стран Средней (Центральной) Азии.

Похоже, что неожиданно сбываются наши предчувствия (доклад на Астраханских краеведческих чтениях в мае 2013 г.) нового тяготения народоведения, хотя бы отчасти, к своим

географическим корням. Коллеги-географы, как мы видели, с успехом выступали на многих секциях. Остальные участники активно и свободно оперировали такими терминами, как «ландшафт», «пространство», «ресурсы», «ареал», «рельеф», «барьер», «экосистема». Да и Валерий Александрович Тишков сравнил культурное многообразие планеты именно с «атласом-картой», наглядно отражающей массу глубинных процессов, сложностей и сочетаний.

Без трений и обид, пожалуй, обошлось. Разве что только одно... Немаловажно для «этноантропологии науки», что наша роль в ней двуедина — мы исследователи и одновременно представители своих этнических общностей. А эту сущность лучше, как известно, и издалека не задевать! На обсуждении по северокавказским проблемам, как рассказывали, был резко отвергнут шотландский термин «клановость» в описании сложных современных процессов у двух докладчиков. Другое понятие — «коренные жители» — тоже зачастую спорно сегодня, а в местах поздних российских миграций (как наше Нижневолжье) это явление вообще не просматривается. Аудитории с корнями горских этносов вряд ли бывает по душе обозначение себя (конечно, экзо-, со стороны) как «аборигенного населения» (или как-то похоже). Нужна деликатность — лучше больше ее, чем меньше. Тем более на нашем «праздничном» конгрессе.

5

К конгрессу следующему. Желательно бы вернуть в его структуру секцию по этнолингвистике (или, как звучало, лингвоантропологии). Ведь в Петрозаводске она произвела яркий, приятный и полезный эффект. Хочется (два года пройдут быстро) поглубже изучить многообразный и необычный «екатеринбургский» исследовательский и этнокультурный опыт.

В период «между встречами» нужно, полагаю, продолжить и улучшить постоянную деятельность нашей профессиональной ассоциации. Уже с середины 2014 г. рубрики в «Этнографическом обозрении» и «Антропологическом форуме» посвящать приближению конгресса. И очень настойчиво повышать роль, статус, *reputée* нашей науки. Она имеет весьма славные страницы. Праздник «День этнолога — День Маклая» 17 июля хотелось бы сделать общеофициальным. Высшее попечительство и руководство РГО пригласить не только в гидрографическую или археологическую (наземную и подводную), но еще непременно и в этнографическую экспедицию.

Кстати, за увлекающую и подробную книгу о «белом папуасе» большое спасибо почтенному Даниилу Давыдовичу Тумаркину.

Для участников десяти конгрессов (можно не подряд, но уж точно начиная с первого, фольклорно-легендарного, рязанского — в июне 1994 г.) предложу учредить почетное звание «этноконгрессмен» (и «этноконгрессвумен», пожалуй, тоже).

Благодарю оргкомитет этноконгресса за состоявшуюся крупную научную акцию, а редакцию «Антропологического форума» — за возможность и предложение высказаться по ее поводу.

## ЕЛЕНА ГОЛУБЕВА

- 1 Конгресс оказался очень интересным для меня, специалиста в области, достаточно далекой (как я думала раньше) от основной темы, — тематика секций отражала междисциплинарное направление современных исследований в антропологии и этнографии. В докладах охвачены самые разные стороны состояния и перспектив развития нашего общества. Это большое преимущество. Недостаток, общий для мероприятий такого масштаба, — параллельная работа секций не позволяла посетить многие доклады, которые интересовали. Встретила много знакомых.
- 2 Участвовала в работе круглого стола № 1 в качестве докладчика. Были интересные доклады и дискуссии, появилось много новых «точек роста» для исследований.
- 3 Общее впечатление позитивное.
- 4 Тематика нашего круглого стола достаточно новая и актуальная. Многие направления только формируются, поэтому были представлены разные поколения и школы, но противоборства или явного непонимания не отмечалось (по моему мнению).
- 5 Если возможно, то провести его весной — в начале лета, когда еще не начался сезон отпусков и экспедиций. Программу сформировать еще раньше, чтобы можно было как-то организовать с участием в других секциях. Пожелание одно — удачи, достаточно средств для проведения конгресса и здоровья все организаторам и участникам для будущих встреч.

**Елена Ильинична Голубева**

Московский государственный  
университет  
им. М.В. Ломоносова  
egolubeva@gmail.com

## НАДЕЖДА ДУБОВА

1

В X Конгрессе приняли участие почти 1500 человек — это самый большой по числу участников съезд специалистов из всех прошедших подобных. Могу сказать, что общее впечатление весьма положительное. Мне представляется, что такого рода мероприятия крайне важны и для тех, кто участвует в них, и для науки в целом, т.к. они показывают всю палитру интересов этнологов, этнографов, антропологов и других заинтересованных исследователей. Подобные съезды демонстрируют как успехи и достижения, так и больные места науки, общие тенденции ее развития, свидетельствуют о том, что и в каком регионе России, за ее пределами является наиболее актуальным, а что никоим образом не волнует ученых. Это особенно ценно и важно для ученых из региональных центров в нынешних условиях (отсутствие достаточного финансирования, из-за чего возможность свободно перемещаться даже по нашей стране есть лишь у ограниченного числа коллег, малотиражность изданий, недостаточная доступность интернет-общения и пр.): они могут и обсудить возникающие у них научные проблемы с коллегами из других центров, и узнать об интересах других.

Несмотря на то что названия и конгресса, и ассоциации, которая его проводит, включают термины «антропология» и «этнография», уже несколько лет просматривается тенденция сокращения именно этнографических и антропологических (подразумеваю под этим словом физическую антропологию) тем. Тематика конгрессов становится все более социально-антропологической. Не секрет, что многие проблемы эффективнее решаются на стыке разных дисциплин, поэтому «полная гуманитаризация» конгрессов вряд ли перспективна. Тем не менее этнография продолжает занимать умы исследователей. Поэтому при очень небольшом числе заявленных секций с этнографи-

**Надежда Анатольевна Дубова**

Институт этнологии  
и антропологии РАН,  
Москва  
dubova\_n@mail.ru

ческой тематикой и практически отсутствию таковых, организованных по региональному признаку, этнографы вынуждены были «вписываться» в те, где постановка обсуждаемой проблемы была более широкой. По всей видимости, и сами этнографы не проявили большой активности в организации секций, но, возможно (я не имела отношения к обсуждению структуры конгресса, его секций, поэтому не знаю ни числа, ни тематики реально поданных заявок), и руководство Ассоциации этнографов и антропологов пошло по пути соответствующего отбора. Я сторонник комплексного изучения проблем с привлечением специалистов разных направлений, что мы с руководителем нашей секции Зб («Расселение, миграция и адаптация в проблемном поле этнической экологии и этнической демографии») ведущим научным сотрудником ИЭА РАН А.Н. Ямсковым и попытались реализовать. Об этом я скажу ниже. Тем не менее мне представляется, что сильное сокращение числа региональных секций является обстоятельством, не позволяющим специалистам в полной мере реализовать свои научные интересы.

Неприятно удивила на конгрессе часть докладов на пленарном заседании. Именно та, где иностранные коллеги излагали нам, в общем-то грамотным и кое-что сделавшим в науке о человеке специалистам, краткие аннотации каких-то своих публикаций... Видимо, все же на подобного рода форумах приглашенным коллегам следовало говорить о новых взглядах, тенденциях в науке их стран, о каких-то достижениях или интересных открытиях.

Хотелось бы также «покапризничать» и в связи с тем, что заранее было объявлено, а затем и реализовано «правило», согласно которому будут опубликованы только одни тезисы от каждого участника конгресса. Это ударило по тем, кто ведет исследования в разных направлениях. Общемировая научная практика позволяет считать первого из указанных докладчиков основным. Поэтому вполне разумно допустить участие одного человека в двух-трех докладах в качестве соавтора. Понятно, что есть и «технические ограничения» при издании тезисов. Но эта проблема может преодолеваться как онлайн-овым путем, так и другими формами верстки. Также в будущем нельзя отказываться от ссылок в тезисах на финансовую поддержку исследований по темам докладов. Это не только не дает возможности включить тезисы в отчет по грантам (что правилами предусмотрено!), но и мешает получить представление о том, какие проекты поддерживают фонды.

2

Как было уже сказано выше, мы с А.Н. Ямсковым явились организаторами, ведущими ряда заседаний и докладчиками на

секции 36. Работа секции проходила активно. Доклады нередко порождали обстоятельные дискуссии. Можно сказать, что тематика вызвала очень большой интерес специалистов из ведущих научных центров России и ряда зарубежных стран, так что без преувеличения секцию можно считать как международной, так и межрегиональной по составу докладчиков. Подчеркивалось, что разносторонний подход к изучению проблем, привлекающий мнения специалистов разных социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, оказался весьма перспективным и позволил не только понять происходящее во всем его многообразии, но и принять необходимые адекватные меры в кризисных ситуациях. На симпозиуме, прошедшем в рамках секции и рассматривавшем биологические аспекты миграций и урбанизации, многие участники говорили о важности активной пропаганды результатов научных исследований и противопоставления их псевдо- и околонучной информации, заполняющей в настоящее время многие СМИ и, увы, иногда проникающей даже в научные издания. Акцентировалась необходимость деловых дискуссий с участием представителей разных областей знания по фундаментальным проблемам науки, в том числе биологического разнообразия человечества.

**3**

Почти все доклады на секции содержали оригинальные материалы и интересные обобщения по обсуждаемой тематике. Одним из самых ярких было сообщение Т.Ю. Власкиной (Ростов-на-Дону, Южный научный центр РАН), в котором на фоне выразительного и обильного иллюстративного материала были детально рассмотрены адаптивные изменения в культуре донских казаков, восточных украинцев и русских крестьян из Черноземных губерний, имевшие место в процессе совместного заселения и освоения ими дельты Дона с конца XVIII в. по наши дни. Докладчица продемонстрировала широкую эрудицию, прекрасное знание современного и исторического материала. Ее данные показали, насколько велики адаптивные способности человеческих коллективов даже к таким экстремальным, но регулярно происходящим событиям, как наводнения на значительной части территории обитания. Целая группа докладов по геногеографии убедительно доказала географическую приуроченность вариантов генофонда человечества: чем больше сведений накапливает молекулярная генетика, тем ближе становятся ее выводы к тем, к которым приходила классическая физическая антропология.

**4**

На нашей секции практически никаких противоречий не было. Можно лишь вспомнить небольшую дискуссию, возникшую на последнем заседании, по поводу того, какие вообще доклады предпочтительнее: те, которые содержат обобщения и формулируют теоретические положения, или те, которые пред-

ставляют конкретные материалы и частные выводы. К сожалению, из-за недостатка времени она была краткой. Но вывод на поверхности: нужны и те и другие. И без конкретных материалов нет обоснованных теорий, и без серьезных теорий нет развития науки.

5

Часть предложений высказана выше. Кроме того, очень хотелось бы, чтобы такие масштабные мероприятия проводились не за два-три дня, а столько, чтобы одновременно проходило небольшое число секций и можно было успеть попасть на интересные сообщения в разных аудиториях. Представляется, что происходящие сегодня события, именуемые «реформой РАН», заставляют, видимо, и при проведении подобных конгрессов, стремиться убедить руководство страны в необходимости организации и нормального финансирования не только прикладных, дающих «быстрый эффект», но и в первую очередь фундаментальных исследований, в том числе в области гуманитарных наук и на стыке разных областей знания. В этой связи, думается, можно не только «идти демократическим путем», собирая заявки от желающих обсудить те или иные проблемы, но и самим членам оргкомитета явится организаторами секции, например, с одной стороны, по истории отечественной науки, а с другой — по обсуждению направлений и перспектив ее развития.

## МАРИНА ЖИГУНОВА

1

Общее впечатление от конгресса очень противоречивое. С одной стороны, глобальность и актуальность поднятых проблем, радость долгожданной встречи с друзьями и единомышленниками, возможность живого общения с ведущими отечественными и зарубежными учеными, с другой — полная непредсказуемость и неопределенность ближайшего будущего российской науки. Возникало ощущение, что этот конгресс является своеобразной границей между прошлым и будущим, на которой ощущается неизбежность грядущих перемен. Известно, что в концепцию национальной безопасности России входит патриотическое воспитание граждан. Но воспитать настоящего патриота невозможно, если не привить ему с детства любовь к этнокультурному многообразию нашей страны. Во все времена

**Марина Александровна Жигунова**

Омский филиал Института  
археологии и этнографии  
СО РАН  
marizh.omsk@rambler.ru



люди, владеющие знаниями, пользовались в обществе непрекаемым авторитетом. Ученые являются национальным достоянием страны, их нужно беречь, уважать, поддерживать и прославлять, а не унижать, как это открыто позволяют себе отдельные государственные деятели. Вместо ожидаемого праздника («Ура! Уже юбилейный X Конгресс! И 80 лет Институту антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН!») — некое смятение чувств, обреченность, неуверенность не только в завтрашнем, но и в сегодняшнем дне, обсуждение акции «Похороны РАН». Особенно обидно было за наших мэтров, посвятивших любимой науке всю жизнь. Наиболее подходящее выражение, характеризующее этот конгресс, — «праздник со слезами на глазах».

2

Совместно с М.Н. Губогло мы были руководителями секции «Доверительность и идентичность как социальный капитал». В период кардинальных трансформаций одновременно с меняющимися объективными условиями жизни происходят и значимые перемены в сознании людей, их системе ценностей, ориентациях на контакты с теми или иными группами и т.д. В связи с этим актуализируются исследования по идентичности. На рубеже XX—XXI вв. быстро явилась и исчезла мода на изучение толерантности. Задача ее исследования и попытка внедрения в практику (в том числе в систему межэтнических отношений) остались нереализованными. Во многом это обусловлено внесистемным подходом, когда энтузиасты воспринимали тему в отрыве от связанных с нею солидарности, ответственности, нравственности и консолидации. Малоизученная связь между уровнем доверия как важнейшей части социокультурной и этнополитической жизни и идентичностью (выступающей одной из универсальных характеристик уровня культурности общества и его членов) требует своего исследования. Доверие и идентичность как фундаментальные основы социального капитала призваны служить поддержке солидарности и социализированности, цементировать этнополитическую ситуацию в этнически разнородном обществе. Приоритет исследований национальной идентичности и доверительности востребован в России в связи с выбором вектора демократического развития, что с особой силой проявляется в ходе избирательных кампаний по выбору президента страны и органов законодательной власти.

По единогласному мнению всех участников, работа нашей секции прошла очень интересно и плодотворно, душевно и даже весело. Все заслушанные доклады были подготовлены на высоком научном уровне, отличались актуальностью и ярко выраженной авторской позицией. В работе секции приняли участие более 60 человек из различных регионов России,

а также Болгарии, Венгрии, Польши, Чехии, Швеции. Выступившим 28 докладчикам было задано много вопросов. Интерес к обсуждаемой проблематике был очень высок, выделенная оргкомитетом аудитория не смогла вместить всех желающих, часть слушателей стояла в коридоре у открытой двери.

3

Озвученные на секции доклады удачно сочетались друг с другом. Так, к выступлению Л. Грот (Швеция) любезно предложил свои иллюстрации Анджей де Лозари (Польша). Особенно интересным получилось обсуждение, посвященное соотношению «русскости», «советскости» и «российскости» в понимании отечественных и зарубежных ученых. Была высказана мысль о необходимости конструирования позитивного имиджа России и россиян. Отдельно отмечалась роль СМИ и политтехнологий в формировании современных идентичностей. О.В. Николаева (Санкт-Петербург) предложила новый принцип классификации идентичностей, по которому наряду с существующими в реальной жизни появляются виртуальные. В итоге обсуждения моего доклада был предложен еще один возможный вариант национальной идеи — идея действенной любви и милосердия. Особо отметить хочется выступление И.А. Снежковой (Москва), посвященное механизмам построения новой гражданской идентичности в Украине.

4

В работе нашей секции приняли активное участие представители различных научных дисциплин (историки, философы, этнологи, социологи, культурологи), но явных противоречий при обсуждении заслушанных докладов не наблюдалось. Из кулуарных бесед можно сделать вывод о том, что на научную позицию влияют не только принадлежность к различным научным школам или направлениям, но и личностные факторы (возраст, условия формирования мировоззренческих позиций, место проживания, обучения, работы...).

5

Проведение подобных форумов жизненно необходимо для дальнейшего развития отечественной этнологической науки. Возможность высказать собственную точку зрения, озвучить новые эмпирические данные, подискутировать способствует пониманию многих вещей. Каждый участник конгресса внес свой посильный вклад в создание прекрасной картины — мозаики, представляющей социокультурное многообразие и существующие проблемы современного мира. И очень хочется верить, что важность и значимость ученых, занимающихся изучением этой проблематики, в ближайшее время станет явной и будет осознана не только научным сообществом, но и в высших эшелонах государственной власти.

## ТАТЬЯНА ЗОЛотоВА

1

Общее впечатление от конгресса благоприятное. Преимущество подобного рода мероприятий состоит в возможности узнать новые тенденции в развитии науки, услышать и увидеть своих коллег из разных регионов России и других стран, в возможности общения со старыми знакомыми и завязывания новых знакомств. В процессе общения «обкатываются» какие-то научные разработки, возникают новые идеи по совместным научным исследованиям, крепнет чувство единства и силы этнографического сообщества.

Недостаток — огромное количество секций невозможно уместить в одном здании, и в результате разбросанности секций по разным местам не всегда удается послушать интересующие доклады.

Неприятной неожиданностью стало полное отсутствие внимания к проблеме реформирования РАН, которая будоражила все российское общество как раз в период работы конгресса. В кулуарах обсуждалась возможность принятия обращения конгресса к правительству, но руководство Ассоциации этнографов и антропологов странным образом никак не отреагировало на происходящее.

2

Вместе с А.В. Черных мы руководили работой секции 20 «Праздничный календарь современного города». Тема эта очень интересна, поскольку современный календарь включает традиции различных половозрастных, социально-профессиональных, этнических групп и формируется под воздействием множества факторов — процессов идентификации, модернизации, глобализации и т.д.

В работе секции приняло участие 20 человек из разных регионов России, Литвы и Белоруссии. Из заявленных 27 докладов было заслушано и обсуждено 11. Большинство из них касалось проблем сохранения традиций

**Татьяна Николаевна Золотова**

Сибирский филиал Российского  
института культурологии,  
Омск  
tnz2002@rambler.ru

и появления новаций в современной праздничной культуре. Так, участников секции заинтересовали новые формы презентации народной культуры, представленные в докладе И.Ю. Аксеновой (Новосибирск), такие как пасхальный флэш-моб, купальское файер-шоу. Современные явления неотрадиционализма (реконструированные этнические костюмы, культовые сооружения, предметы декоративно-прикладного искусства, национальные блюда, фольклор, праздники) представляют собой способ моделирования преемственности культуры и свидетельствуют о сохраняющемся интересе к народным традициям и росте национального самосознания. Однако часто возникает проблема соотношения традиций и новаций, особенно когда под народным названием-формой (например, «сибирский хоровод») скрывается совершенно новое содержание (коллективные танцы под современную музыку «а ля рус»).

Современные особенности развития праздничной культуры российских немцев, рассмотренные в докладе Д.И. Ваймана (Пермь), свидетельствуют о сужении сферы использования этнических традиций как в религиозной общине, так и в семье, хотя именно семья, конфессиональная община и общественные организации российских немцев являются основными центрами поддержания этнокультурных традиций в условиях города. Ориентация российских немцев на календарные традиции метрополии приводит к потере самобытности их календаря, на который также оказывают влияние общегражданский календарь и православные праздники.

В своем выступлении я проанализировала существование традиционных форм в современных календарных праздниках на семейном и общественном уровнях. Аутентичные формы народной культуры (застолье с приготовлением традиционных блюд, играми, исполнением народных песен, ряженьем, украшением интерьера и др.) частично сохраняются в семье. В общественных праздниках элементы народной культуры используются чаще всего в качестве обобщенных символов — фольклоризмов. Современной формой существования традиционных календарных праздников являются фестивали народной культуры и праздники ремесел, которые способствуют поднятию престижа народных традиций, формированию национального и регионального единства, возвращению духовного начала в жизнь горожан.

Тема праздников ремесел была подхвачена другими участниками секции — О.В. Изотовой, рассказавшей, как они проходят в малых городах Белоруссии, и Т.В. Семеновой (Чебоксары), поведавшей о конкурсе мастеров декоративно-прикладного искусства «Русь мастеровая» и фестивале народного творчества «Родники России», которые проходят в Чувашии

в рамках празднования Дня республики. Проблемы актуализации этнокультурного наследия затрагивалась в докладе А.В. Черных (Пермь), справедливо отметившего, что оно чаще всего презентуется именно в праздничной культуре. Из элементов культуры народов Пермского края наиболее востребованными, по мнению докладчика, остаются аутентичный фольклор, народный костюм, декоративно-прикладное искусство и традиционная кухня. Праздники малых городов на примере Нытвы Пермского края и Олонца Республики Карелия рассмотрели в своих докладах К.Э. Шумов (Пермь) и Н.В. Чикина (Петрозаводск), любимые праздники современных студентов проанализировала А.М. Пекина (Петрозаводск), о религиозных шествиях в Литве поведал Й. Мардоса (Вильнюс), о важной роли Удельного парка Санкт-Петербурга в воссоздании коммуникативных связей и сохранении частушечной традиции рассказала Л.С. Лаврентьева (Санкт-Петербург).

В целом работа секции прошла продуктивно, в доброжелательной обстановке, практически все доклады сопровождались фото- и видеопрезентациями, вызывали множество вопросов и последующие дискуссии.

**3**

Наибольшее впечатление произвели доклады пленара — Л.М. Дробужева о социально-культурном контексте межэтнических отношений в городской среде и М.Л. Бутовской о кросскультурных исследованиях. Первый поразил четкой доказательностью данных о межэтнической напряженности в мегаполисах и несоответствием позиции людей их поступкам (они осуждают насилие, но считают себя вправе его применить, если, как им кажется, нарушена справедливость). Второй доклад навел на размышления о масштабности буллинга (преследования слабых) в современном обществе.

Из дискуссий запомнились обсуждения участниками нашей секции места традиций и роли новаций в современных праздниках, возможности влияния этнографов на сохранение и возрождение элементов народной культуры.

**5**

Хотелось бы, чтобы следующий конгресс, который будут организовывать екатеринбуржцы, прошел где-то за городом, как это было в Санкт-Петербурге и как это делают фольклористы. Проведение на ограниченной территории создает эффект замкнутого пространства, когда люди «варятся» в одном котле и тем самым более активно взаимодействуют друг с другом. Здесь появляется больше возможностей для неформального общения, которым чаще всего и запоминается тот или иной конгресс. Хорош был опыт Омска, Саранска, Оренбурга в плане культурной программы: необходимы выезды в национальные районы или к объектам культурного наследия.

## ТАТЬЯНА ИЛАРИОНОВА

**1** Конгресс — очень нужное мероприятие, большое значение имеет возможность увидеть людей, которых не видела долго, познакомиться с новыми участниками. Неожиданность — реформа РАН, недоумение — отсутствие стремления узнать у собравшихся в Москве людей, специалистов, что они по этому поводу думают. Полное недоумение — отсутствие представителей Минобра на научном форуме. Не были приглашены? Не пришли? Огорчила и заключительная часть: я была совершенно не готова к реанимации тезисов десятилетней давности (да простит меня Валерий Александрович).

**2** Участвовала в секции 38. Были интересные, но в целом традиционные доклады. Очень огорчают аспиранты: нет уважения к документам, ошибки в обращении с законодательством, хронологиями, в целом падение культуры работы с источниками.

**3** Запомнилась первая часть пленарного заседания. Очень тяжело пошла. Секция была лучше, но тоже без огонька.

**4** У части исследователей сохраняется тяга к поискам простых решений. И ведь для общественности нужны простые решения запутанных этнополитических проблем. Пугачев это вновь показывает.

**5** Мне кажется, нужно продумать пленарную часть, она должна быть немного зажигающей, чуть-чуть жареной, провокационной, полемичной. Она должна иметь энергию — так, чтобы хватило на весь конгресс.

**Татьяна Семеновна  
Иларионова**

Институт энергии знаний,  
Москва  
ilarionovat@mail.ru

## ИРИНА КОЗЛОВА

**Ирина Владимировна  
Козлова**

Российский государственный  
педагогический университет  
им. А.И. Герцена,  
Санкт-Петербург  
matira@dobre.ru

**1** Общее впечатление от конгресса хорошее: было много разных интересных секций, с удовольствием перемещалась между ними. Недостатки в том, что невозможно попасть на все секции, на которые хочется, т.к. многие из них идут параллельно (но это, кажется,

неизбежно на мероприятиях такого рода); достоинства в том, что можно забегать на разные секции.

Как недостаток я бы отметила, что в программе участники располагались по алфавиту, а выступали, будучи сгруппированы ведущими по тематическому принципу, поэтому было невозможно «подгадать» по времени так, чтобы попасть именно на интересующий доклад с одной секции на другую.

Неприятности были частные и, возможно, вызванные моей собственной невнимательностью: например, я не знала, что одна из секций, которую я хотела посетить (№ 10 «Телесность и сантименты в городской среде»), началась раньше, чем указано в программе (не 4, а 3 июля). Я пришла, как прочитала в программе, 4 июля утром и, как оказалось, застала только ее окончание (всего два доклада). Возможно, о переносе где-то сообщалась, но я пропустила эту информацию.

**2**

Секция 11 «Горожане первого поколения и родная деревня: мемуарные тексты, мировоззрение, поведение» — докладчик. Была только на половине секции, все прослушанные мной доклады были интересны, ведущие следили за регламентом. Как я поняла, первая половина секции прошла по плану, про вторую не знаю точно, т.к. ушла на другие секции — не потому, что на моей было неинтересно, а потому, что хотелось успеть еще много что захватить (надеюсь, руководители и докладчики моей секции не обиделись на меня за это).

Секция 20 «Праздничный календарь современного города» — слушатель. Была также на половине секции, все прослушанные мной доклады были чрезвычайно интересные, во всех говорилось о современности и все вызывали довольно бурное обсуждение. От секции осталось самое лучшее и яркое впечатление. К тому же секция мне показалась очень цельной — все доклады, сделанные на разном материале, были связаны общей проблематикой.

Секция 33 «Этнология и проблемы образования» — слушатель. Была только на последних двух докладах: секция 20, на которой я была до этого, закончила работу в 18 часов, и оставалось время до окончания конференционного дня. Проблемы, обсуждавшиеся на данной секции, несомненно актуальны, особенно в связи с тем, что система образования постоянно меняется.

Секция 10 «Телесность и сантименты в городской среде» — слушатель. К сожалению, успела только на два доклада, но их послушала с удовольствием. Доклады вызвали бурное обсуждение, так что осталось впечатление, что направление активно развивается.

Секция 29 «Этнография социального статуса: этничность, гендер, иерархия, ритуал» — слушатель. Было много интересных докладов, но, как мне показалось, секция была очень уж большая. Может быть, стоило поделить ее на две или три, т.к. в ней было несколько блоков, которые довольно далеки по проблематике друг от друга. Последний блок о современности был очень интересен, и жаль, что пришлось сокращать доклады до 10 минут.

Секция 27 «Новые сакральные пространства постиндустриальной эпохи: мода или устойчивый социокультурный феномен?». Секция понравилась, хотя доклады были очень разные и по проблематике, и по уровню анализа и обобщений, но все, которые я слышала, содержали интересный этнографический материал.

3

В секции 11 я бы отметила доклад Юлии Литвин как часть серьезного исследования, которое может дать очень интересный результат. В секции 29 мне очень интересным показался доклад С.И. Рыжаковой, несмотря на то что об исследуемой докладчицей культуре я знаю мало.

4

Неприятя не заметила, если было какое-то непонимание, то в первую очередь связанное с разницей приоритетов специалистов, принадлежащих к разным дисциплинам. В целом в ходе дискуссий (на которых я присутствовала) обычно какое-то понимание достигалось. Я бы отметила определенный плюс междисциплинарных обсуждений: вопросы людей из других дисциплин (например, вопросы этнографа или социолога для фольклориста, и наоборот) могут помочь увидеть что-то новое в объекте исследования.

5

Такое большое мероприятие идеально организовать, наверное, невозможно. Насколько это было возможно, все показалось на самом достойном уровне.

## МИХАИЛ КРЫЛОВ

1

К сожалению, впечатление значительно более слабое, чем от предыдущих конгрессов, в работе которых я участвовал (Омск, Санкт-Петербург, Оренбург, Петрозаводск). Это было связано (точнее, жестко обусловлено) следующими обстоятельствами:

— работа конгресса в Москве (нет возможности собраться в узком кругу и пообщаться вне этого узкого круга);

**Михаил Петрович Крылов**  
Институт географии РАН,  
Москва  
mpkrylov@yandex.ru



— необходимость участия в мероприятиях, связанных с очередной попыткой ликвидации Российской академии наук (в день открытия конгресса в 14.00 — заседание Ученого совета ИГ РАН, посвященное «текущему моменту», связанному с попытками ликвидации РАН; далее, с 16.00 — митинг перед старым зданием Президиума РАН, также посвященный этому вопросу). В связи с этим пришлось покинуть пленарное заседание в 13.00 и вернуться (на банкет) к 17.30.

Эмоционально было дискомфортно присутствовать на конгрессе, который (вынужденно?) занял «примиренческую» позицию (хотя в кулуарах вопрос о ликвидации РАН обсуждался). Наверное, так: либо заниматься наукой, либо митинговать. Я и мой коллега (бывший аспирант) А.А. Гриценко пытались совместить науку и митинги, но отдали предпочтение митингам, т.к. целесообразность самой науки руководством была поставлена под сомнение (скажем так).

2

Докладчик и слушатель на секции «Приграничный урбанизм». Посещать другие секции, к сожалению, было некогда, т.к. надо было срочно ликвидировать долги по составлению учебных рабочих программ для МГПУ. Работа секции была очень интересной. Мне (и А. Гриценко) удалось развернуто выступить по нашей проблематике.

3

К сожалению, на этот раз таковые не были зафиксированы по указанным выше причинам.

4

По этому поводу я давал ответ «АФ» после конгресса в Петрозаводске. В более общем виде на этот вопрос можно ответить, что различия (научных позиций), наверное, связаны в большей степени с *широтой кругозора и степенью раскованности мышления*, в меньшей степени — с *профессиональным опытом* (т.е. если мышление расковано, то вероятность непонимания друга меньше, а если мышление сковано штампами и стереотипами, то вероятна «нестыковка» позиций — в случае различий темперамента или профессионального опыта). С *профессиональной узостью*, наверное, в еще меньшей степени связаны эти различия (т.е. если узость вообще, то непонимание очень вероятно — см. выше, а если просто разные дипломы, то это не обязательно является препятствием для взаимопонимания). С *поколениями*, я думаю, вообще никак не связаны: чаще всего больше разногласий и непонимания возникает при общении с собственными ровесниками (сокурсниками и т.д.). *Научная школа* и влияет, и нет: очень надоедают (удручают) генетически (по диплому) родственные коллеги, которые обращаются («апеллируют») к «нашей» (якобы) научной школе. Здесь всю жизнь непонимание (больше, чем может возникать на конгрессе этнографов и антропологов).

5

Хотелось бы, чтобы была интересная программа, интересные встречи, интересные экскурсии (более всего мне запомнились программы в Петрозаводске и Репино-СПб., экскурсии — в Петрозаводске, кулуарное общение — в Омске, Оренбурге).

## АЛЕКСАНДР НОВИК

### Наука о человеке, судьбы этнографии и век мракобесия

Состоявшийся в Москве X Конгресс этнографов и антропологов был долго ожидаем всем отечественным сообществом ученых, имеющих прямое или косвенное отношение к науке о человеке, будь то этнология, этнография, социальная и культурная антропология, культурология, фольклористика и т.д. В самом сообществе кулуарно обсуждали, что ехать в Москву не так интересно — все в ней, мол, по многу раз бывали, всё видели, лучше было бы поехать в какой-нибудь далекий регион, не только послушать коллег, что-то рассказать им, но и посмотреть совершенно новое и интересное для себя.

Однако проведение конгресса в дни, которые словно по иронии судьбы совпали с очередным крестовым походом против Российской академии наук, сделали выбор места проведения конгресса знаковым и актуальным. Сидя в крепости «Золотые мозги», можно было наблюдать штурм власть предержащими цитадели, ее растерянных обитателей и столь притягательную московскую землю, не дающую покоя нашим правителям.

Темы секций и круглых столов, дискуссии в конце блоков, докладов и пленарные выступления отошли на второй план в свете принимавшихся решений и постановлений «наверху». Именно последние самым живым образом обсуждались научным сообществом. И чаще всего эти обсуждения объединяли ученых, преподавателей, музейщиков и др. Можно было, конечно, участвовать

**Александр Александрович Новик**  
Музей антропологии  
и этнографии (Кунсткамера)  
РАН,  
Санкт-Петербург  
njual@mail.ru

в высоконаучной (здесь без иронии) дискуссии на тему науки провинциальной, аборигенной, столичной, мировой и пр. (очень модная, отметим, теперь тема не только у нас). А можно было наконец услышать (не только слушать) своих коллег из Омска, Кемерово, Перми и других городов, в которых закрываются университетские кафедры, сокращается персонал институтов, увеличивается педагогическая нагрузка и т.д. Самое страшное, что об этом (закрытии кафедр этнографии, уменьшении бюджетных мест для студентов-историков, слиянии учебных подразделений музееведения и этнологии и т.п.) мы слышали от своих коллег уже много лет. Но нам казалось, что все это касается не нас, «столичных», а периферии, и почему-то думалось, что, может, там и надо поднять уровень науки и образования, может, все так и полагается. Главное — у нас, в столицах, все спокойно и на достойном уровне, а если и не на уровне и недостойно, то как-то все образумится и со временем улучшится.

Теперь же, когда напрямую коснулось нас — Академию наук закрывают! — мы все резко услышали коллег из глубинки. Услышали о том, что в крупнейших сибирских и уральских вузах — отнюдь, скажем, не в Урюпинске (Урюпинск здесь образно, совсем не хочу обидеть этот город) — в этом году не выделено вообще ни одного бюджетного места на исторических факультетах, и понятно, что учиться платно там, в этих университетах, будут скорее на факультетах менеджмента и юридических, а история «загнется» полностью. Это пострашнее гонений на этнологию: если люди не будут знать обычаев и кроя традиционного костюма, они, скорее всего, как-то проживут, а вот учитель истории в сельской школе, рассказывающий хотя бы простые вещи об Иване Грозном и Петре I, просто необходим, без него нельзя. Без такого учителя зачем вообще нужна вся дискуссия о качестве школьных учебников по истории и пресловутое ЕГЭ? Зачем вообще нужно образование?

Структурный кризис просвещения и науки достиг своего апогея. Развал высшего образования (с введением Болонской системы, отменой диплома специалиста, выдачей свидетельств о высшем образовании практически любому желающему за плату или без оной), непоследовательные реформы школы, разрушившие старую систему и не давшие ничего взамен кроме запутанных коррупционных схем, а теперь и грядущее закрытие Академии наук делают любые научные дискуссии почти бессмысленными. Как можно требовать от науки эффективности и мирового уровня, если на этом общественном фоне преобразований работают законы экономические — бюджет среднего американского университета больше бюджета 430 академических институтов России вместе взятых! Можно

ли здесь делить научные учреждения на эффективные, средние и малоэффективные (используя упрощенные определения без всех этих неудобоваримых терминов, придуманных лицедеями)? Почему сопливый менеджер с «вышкой» (только окончивший Высшую школу экономики, так правильнее) должен назначать директоров институтов и распоряжаться судьбами науки? Какие рейтинги и индексы цитируемости он может требовать у ученых, если сравнивать доходы ученых и преподавателей за рубежом и у нас в отечестве?

Все это вроде понятные вещи. И проблема существовала давно. Но по инерции в России наука еще держалась. Держалась на энтузиазме и самоотверженности старшего поколения и молодых и дерзких ребят, приходивших, несмотря ни на что, именно в науку. Теперь и этому приходит конец: правительство и общество легко готовы отказаться от наработанного и созданного за века отечественного просвещения. Научные дискуссии на конгрессе все время в итоге сводились к одному: что будет с наукой и образованием дальше?

Секция «Полевая этнография и архивация этнографических материалов», которой мне и моему коллеге Н.В. Ушакову посчастливилось руководить, включала 30 докладов (35 докладчиков), большинство из которых были исключительно интересными и высоко профессиональными. Отмечу хотя бы доклады И.С. Пономаревой «Мариуполь как явление социокультурной реальности (по материалам этнофотографий)» и Д.А. Черниенко «Экспедиционное изучение украинцев Южного Приуралья и формы сохранения полевых материалов». Этнолог И.С. Пономарева представила результаты изучения города Мариуполя по старинным фотографиям, хранящимся в архивах и частных собраниях. Коллега из Ижевска и Уфы (он представляет две институции) Д.А. Черниенко рассказал об опыте проведения экспедиций, предпринимаемых на протяжении длительного времени каждые десять лет к украинцам Приуралья, и опыте архивирования материалов. В высшей степени важные результаты работы могут быть чрезвычайно интересными для всего этнологического сообщества, но при условии, что это сообщество вообще сохранится. Именно этот вопрос беспокоил всех собравшихся на конгрессе.

Если реформы образования и науки пойдут в таком же опасном направлении дальше (а значит, у страны не останется школьных учителей, не говоря о научном потенциале), то изучение этнографических фотографий или локальных групп населения, которое, несомненно, будет нужно, скорее всего, окажется непонятно нашим наследникам (с уровнем развития, предусмотренным для них реформаторами).

История знает много периодов: век Просвещения, Галантный век, Прекрасная эпоха и др. Мы живем в век мракобесия, когда человеку надо доказывать, что знание — это хорошо, что стремление к прогрессу (а отнюдь не только выгода) — это благо, и быть грамотным не только необходимо, но и является условием выживания *homo sapiens*. Остается лишь верить, что в будущем на одном из конгрессов этнографов и антропологов прозвучат доклады, анализирующие науку и общество в кризисе, и X Конгресс будет примером форума, проводившегося в период опасного, но преодоленного коллапса смеси реформ и стяжательства.

### ЕЛЕНА НОСЕНКО-ШТЕЙН

**1**

Главное впечатление от конгресса — это смотр российских этнологов. Жаль, что преимущественно российских, ибо такое масштабное мероприятие должно бы и могло бы быть международным (не в масштабах СНГ, а шире). И не только «престижа ради», но и для того, чтобы реально интегрироваться в мировое научное сообщество, что пока происходит довольно слабо.

Как все подобные научные мероприятия, это прежде всего общение, т.к. исследователи, как правило, представляют на них те работы, о которых специалистам уже хорошо известно. Роскошь человеческого и реального научного общения, несмотря на все новые информационные технологии, на мой взгляд, основное преимущество таких научных мероприятий.

На них обычно трудно послушать то, что хочется, на других секциях: они «пересекаются во времени и пространстве», доклады меняют места и т.п. На этом конгрессе к тому же буквально в последний момент стало известно, что ряд секций заседает в других зданиях. Скажем, я руководила секцией «Традиционные и новые религии современных российских горожан», и мне хотелось послушать доклады на аналогичных секциях, но по указанным причинам это оказалось невозможным. Кстати, на этом конгрессе было довольно много секций, тематика которых

если не совпадала полностью, то в значительной мере «пересекалась». Это привело к повторам, к тому, что сходные по тематике доклады звучали на разных секциях.

«Сквозной» темой конгресса была заявлена антропология города — тема нужная и модная в хорошем смысле этого слова. Но у меня (в том числе и со слов моих коллег, присутствовавших на разных секциях) сложилось впечатление, что многие исследователи плохо представляют себе, что это такое. Вообще, к сожалению, почти исключительно «русский» (даже шире — из СНГ) характер конгресса привел к некоторой его провинциализации, во всяком случае на некоторых секциях. Участники конгресса нередко просто излагали результаты своих полевых исследований. И это неудивительно. Ведь советская этнографическая школа была славна именно своими полевыми работами, умением работать в поле. Обилие эмпирического материала (иногда даже без попытки «встроить» его в научный контекст) навело меня еще на одно размышление. Уже не в первый раз на таких конгрессах принимают если не все, то большинство поступивших заявок. Результатом становится то, что в программе одной секции оказывается 30, 50 и даже 80 докладов. Понятно, что услышать их за день и даже за два — нереально. Понятно также, что значительная часть докладчиков не приезжает, при этом руководители до последнего момента не знают, кто будет выступать. Время на выступление и вопросы ужимается, потом, когда выясняется, что почти никто не приехал, времени начинают давать больше... Не вполне ясна цель всего этого. Принятие заведомо слабых заявок вряд ли повышает статус конкретной секции и всего конгресса в целом. Кроме того, существует обычная и давно устоявшаяся на международных конгрессах практика: секция продолжается полтора-два часа, на ней выступают три-четыре докладчика и дискуссант, обычное время доклада — 20 минут, вопросы и комментарии — 10. Это настолько общепринято, что даже не оговаривается. Но у России, как известно, особый путь: в результате получается некий «марафон» докладов, с мельканием имен, фактов, презентаций и работой на износ (особенно в этом случае достается руководителям секций).

2

Как я уже сказала, я (вместе с А.С. Агаджаняном) была руководителем секции, посвященной антропологии современного города и антропологии религии. Тематика секции вызвала большой интерес: к соруководителям поступило более 80 заявок. Однако, понимая, что такое число участников нереально, мы довольно жестко отобрали 26 заявок. Кстати, именно поэтому я запрашивала у оргкомитета два с половиной дня на проведение секции, дабы не превращать ее в профанацию или физическую пытку... Увы, нам был предоставлен один день.

Выступили 20 человек. Преобладал, как я уже сказала, эмпирический материал, хотя по большей части интересный. При этом, как правило, докладчики излагали результаты своих исследований конкретной религии или деноминации, нередко на примере какого-то города, но мало кто пытался «выйти на широкий простор» общерелигиоведческого контекста (хотя бы в пределах исследуемой конфессии). В целом секция получилась довольно удачной, ибо выбраны были лучшие заявки, к тому же работа секции была организована так, чтобы докладчики выступали не в алфавитном порядке, как было предложено оргкомитетом, а в смысловом порядке. Результатом, повторяю, был большой интерес собравшихся практически ко всем докладам, которые сопровождались многочисленными вопросами и ремарками.

Кроме того, я была приглашена участвовать в работе круглого стола, посвященного евреям как городским жителям. Мероприятие по-своему уникальное, т.к. в рамках Академии наук было не так много научных мероприятий, специально посвященных «еврейской проблематике». Правда, это был не круглый стол, а скорее секция, посвященная разным аспектам еврейской истории, в меньшей степени — этнографии и социокультурной антропологии. Отсутствие целенаправленной подготовки специалистов в области одновременно иудаики и социальных дисциплин (в том числе социокультурной антропологии) в рамках соответствующих кафедр и центров, о чем мне неоднократно приходилось писать и говорить, привело к тому, что антропологических докладов на этой секции было немного. Отсутствие четко заданных хронологических и смысловых параметров привело к разнобою в выступлениях. Тем не менее секция состоялась, что, как я уже сказала, само по себе событие.

**3**

Большинство докладов, прозвучавших на «моей» секции, были сделаны на хорошем уровне. Приятно порадовал «краснодарский научный десант»: выступление нескольких докладчиков из Краснодара о разных конфессиях (католицизм, ислам, иудаизм, пережитки языческих культов в этом городе). Не мог не понравиться доклад В.А. Шнирельмана о различных течениях в современной российской эзотерике, как всегда глубокий и весьма фундированный, построенный на изучении обширного круга источников. Своеобразным «противовесом» этому докладу прозвучало выступление Р.В. Шижевского, построенное на полевых материалах и посвященное конкретному неоязыческому движению в Литве и России. Результатом стала интереснейшая дискуссия о неоязычестве, оккультизме, эзотерике и прочих увлекательных предметах, за неимением времени и сил у руководителей секции перенесенная в кулуары.

Отдельного упоминания заслуживает доклад Н.В. Шлихты — единственного зарубежного докладчика на нашей секции — о православии на Украине, его политике и взаимодействии с другими деноминациями. Интересным и неожиданно острым оказался доклад С.Н. Павлова (игумена Иннокентия) о современной православной религиозности как субкультуре. Очень любопытны были оба «мусульманских» доклада (М.А. Сафарова и З.А. Тлехурай), содержавшие не только интересный полевой материал, но и анализ конкретных ситуаций. Довольно неожиданным стало «явление» целого блока докладов по иудаизму (пять выступлений, в том числе и мое). Практически все они были интересны и содержательны, к тому же, учитывая малую информированность даже ученых-антропологов о вероучительной и обрядовой практике иудаизма, их полезность кажется несомненной.

4

Мне приходилось слышать о подобных ситуациях на других секциях. На секции по проблемам религии в современном городе, которой руководили А.С. Агаджанян и я, таких ситуаций не было, хотя и случались острые споры и дискуссии. Из них наибольшего внимания заслуживает спор о месте вторичных и полевых источников в антропологических изысканиях. В этой дискуссии сказалась некоторая абсолютизация эмпирических исследований (которым я сама придаю огромное значение) — основного достоинства (и, возможно, некоторого недостатка) советской этнографической школы.

Совсем иное впечатление у меня сложилось от «еврейского» круглого стола. В советское время иудаика практически не существовала как дисциплина (точнее, комплекс дисциплин), в постсоветский период антропологические исследования в отечественной иудаике явно не заняли подобающего места. Итогом стало преобладание чисто исторических докладов.

5

Видимо, в ходе своих комментариев я уже высказала основные пожелания к работе и организации следующего конгресса. Кратко повторю: более жесткий отбор докладов (имея в виду не количественный, а качественный принцип) — основная задача руководителей секций. Более жесткий отбор самих секций (во избежание повторения и «наложения» их тематики). Организация работы секции если не по общепринятому образцу, то все же исходя из здравого смысла и физических возможностей руководителей и участников (в один день невозможно заслушать более 15 докладов). Предоставление руководителям секций права самим составлять программу, руководствуясь все тем же здравым и научным смыслом, а не русским алфавитом.



Напоследок самое главное. Если избирается некая общая тема конгресса, то, видимо, следует учитывать реальную готовность российского научного сообщества ее изучить и обсудить.

Подготовка подобных конгрессов — огромный труд, и прошедший X Конгресс, безусловно, состоялся как крупное научное событие, в чем я вижу огромную заслугу прежде всего директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова. И хотелось бы надеяться, что следующий конгресс в Екатеринбурге продолжит славную традицию.

### НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

**1**

В этом году КАЭР проводился в Москве, тем самым для немалого числа участников была выполнена задача «конференц-туризма» (явление, само по себе давно зафиксированное социологами и социоантропологами). Не случайно абсолютное большинство подобных конгрессов проводится в теплое время года и в городах, туристически привлекательных (на первом месте Вена, далее Барселона и т.д.). Полагаю, что Москва как место проведения встречи была притягательна для множества участников, и потому я как руководитель одной из самых многочисленных секций (95 тезисов, почти 60 приехавших лично участников) не могла отказать в удовольствии общения с коллегами никому из приславших заявки. И настаивала на том, чтобы не было никаких сокращений по профессиональной принадлежности (историки, социологи, литературоведы, лингвисты, психологи, политологи, юристы, активисты общественных организаций — кого только у нас на секции не было!). Думаю, *преимуществом* таких огромных конгрессов как раз и является возможность общения, в том числе неформального, людей из разных сфер. И в этом смысле этот конгресс был близок форуму. А маленькие конференции должны объединять людей не только одной научной специальности, но и одной темы или направления. *Недостатки?* Пожалуй, только то, что обычно такого рода встречи — недешевое удовольствие.

**Наталья Львовна Пушкарева**

Институт этнологии  
и антропологии РАН,  
Москва  
pushkarev@mail.ru

*Приятной неожиданностью* стало то, что в распоряжении участников КАЭР в этом году было множество помещений нашего здания на Ленинском, 32а — не только запланированных залов, но и холлов, коридоров, смежных этажей. Отлично были решены вопросы питания участников в дни работы конгресса. Полагаю, что запланированной особенностью (и неожиданно для участников) была разбросанность секций конгресса по Москве... Трудно было успеть повсюду, но в итоге всё всем понравилось. Общее впечатление от X КАЭР очень хорошее, он был отдушиной в дни объявления «войны против академических ученых» (решение о реформировании, равном ликвидации РАН, было озвучено 22 июня и обсуждалось как раз в дни конгресса).

2

Подготовка работы секции 28, которую я организовала и вела, «Горожанин и горожанка в прошлом и настоящем. Гендерные исследования в этнографии города» была очень долговременной и трудоемкой. После выяснения количества реально приезжающих, пришлось разделить ее на две подсекции, чтобы дать возможность всем участникам выступить не с презентациями по 7–10 мин, а с классическими докладами. Примерно пятая часть докладов сопровождалась видеорядом. Этот момент стоит учитывать организаторам будущих научных форумов: приезжающие издалека должны иметь возможность полноценно представить результаты своих трудов, у каждой подсекции должны быть (точнее, желательны) помимо ведущих модераторы дискуссий, способные обострить вопрос, выявить проблемные места обсуждения.

С учетом количества выступающих секция должна была работать в Институте российской истории РАН 3 июля весь день и 5 июля полдня с утра, но в итоге все участники просто задержались в первый день работы секции допоздна и ничуть не пожалели об этом, объединенные ощущением нужности научно-го направления, к которому они принадлежат.

3

Как руководителю секции мне нелегко выделять одних и замалчивать других, а число интересных докладов было необычайно велико. Обращу внимание и на высокий уровень подготовки многих выступлений молодых ученых, аспирантов, их увлеченность наукой сделала честь нашей секции.

Практически все доклады сопровождалось вопросами слушателей и других докладчиков — участников работы секции, несколько выступлений вызвали оживленные дискуссии.

Среди докладов, вызвавших наибольший всплеск вопросов, отмечу выступления С.Б. Адоньевой, О.Р. Кись, В.А. Кережи, Е.В. Лярской, И.Е. Канцеровой, И.З. Карлинского, Г.Н. Улья-

новой, Т.Ю. Власкиной. Доклады О.Л. Миловой и О.Р. Кись проблематизировали основания для возникновения гендерной солидарности в депривированных группах (речь шла о женской лагерной повседневности), доклад В.А. Кережи вызвал дискуссии относительно возможной ностальгии по советскому у иммигранток — «русских жен». Вопросы к И.Е. Канцеровой преимущественно касались деталей проведенного эмпирического исследования в еврейских и еврейско-чувашиных семьях в Поволжье. Обсуждение доклада Т.Ю. Власкиной позволило обратиться к интерпретации механизмов «возрождения казачества».

Конечно, самые жаркие споры вызвала презентация коллег из США Э. Уиген и Б. Рурке «“Пусси Райот” и политика: придание телесности культуре, распространение культуры на телесность». В ней было заострена «политическая версия» данного феномена. Авторы презентации настаивали на том, что беспрецедентное внимание мировых СМИ, знаковых персонажей массовой культуры к этой акции, международная кампания солидарности, появление доселе невозможной в России публичной критики официальной политики Церкви говорят об исключительности сложившейся ситуации и успешности акции. Однако не все присутствующие были согласны с этим, дискуссия в зале показала и отразила существующую поляризацию российского общества вокруг осужденных участниц группы. Совершенно невинные сюжеты о кинессике и ее символике (созвучные проблемам антропологии движения), значении цвета / цветов одежды участниц акции вывели дискутировавших к обобщениям, которые необходимы многим аналитикам современных протестных акций.

4

И школы, и поколения, и дисциплинарные области — все важно, когда мы пытаемся дать оценку возникающим расхождениям. Любопытно, что в нашем случае активная дискуссия, развернувшаяся вокруг тезиса о том, что «впервые за много лет на международной сцене современного искусства Россия появилась со своим оригинальным продуктом», в котором к тому же не было «удручающего подражания Западу», была инициирована западными культурологами старшего поколения, а несогласие с ними было высказано как раз представителями московской научной молодежи. Некоторые из ее представительниц не увидели в акции «Пусси Райот» бунта против подавляющей, закостенелой и репрессивной власти. Но стоит ли стремиться в таком случае к консенсусу? Сосуществование разных позиций в науке и возможно, и необходимо, диссенсус нормален, и его, с моей точки зрения, нужно сохранять как источник дальнейшего развития, желая точнее эксплицировать свою научно-исследовательскую позицию.

5

Главное пожелание касается сбора тезисов и материалов будущих выступлений и презентаций. Я бы настаивала на том, чтобы присылаемые материалы были не короткими, а достигали хотя бы 5000 знаков (возможно, и больше). Они имели бы значительно больший вес для самих авторов докладов и лучше ориентировали будущих слушателей относительно научной позиции и аргументированности тезисов. Полагаю, что нет никакой надобности в публикации дорогих бумажных талмудов с материалами КАЭР. Напротив, CD-диски нужны и должны быть полноценной электронной публикацией, имеющей все необходимые реквизиты.

## НИКОЛАЙ СЕРОВ

1

Общее впечатление от конгресса великолепное. Преимущества таких мероприятий в непосредственном обмене актуальной информацией с релевантным расширением горизонта восприятия / понимания насущных проблем. Приятной неожиданностью в работе конгресса оказалась определенная смена тенденций в раскрытии заглавной тематики, и, в частности, использование докладчиками не только понятийного поля, но и образных представлений антропологии / этнологии, о которых я скажу ниже.

2

Участвовал ведущим, докладчиком и слушателем секции «Краски города и этноцвета России», где речь шла о том реальном мире, который на уровне научных абстракций зачастую оказывается нереальным (бесцветным). Однако ни в природе, ни в культуре, ни в социуме не существует и не может существовать ничего бесцветного. Иначе говоря, речь на этой секции эпизодически сводилась к тому, каким путем можно и можно ли операционализировать образы вне их понятийного абстрагирования.

3

Привожу резюме выступлений, которые оказались весьма значимыми и интересными для присутствующих (вызывали многочисленные вопросы к докладчикам и оживленную дискуссию).

**Николай Викторович Серов**  
Санкт-Петербургский  
государственный институт  
психологии и социальной  
работы  
nserov@gmail.com

Г.Э. Бреслав представил результаты исследования по вербальному принципу предъявления основных цветов в их связи с эмоциональным состоянием. Как оказалось, за определенным цветом достаточно жестко закреплены определенные эмоции, существенно различающиеся для юношей и девушек. И сам доклад, и особенно заключение Г.Э. Бреслава о непонятности причин этого феномена вызвали бурную дискуссию и комментарии присутствующих.

Е.Г. Власова привела материал путевой публицистики XIX в. и показала, что формирование образа абсолютного большинства российских городов связано с одним из определяющих факторов формирования мифа о русской провинции как воплощении серости во всех смыслах этого слова. Последующие вопросы и обсуждение доклада продемонстрировали интерес участников секции к этой проблеме.

Ю.А. Грибер показала визуальные тексты по своеобразной «мифологизации» и «тотемизации» цвета окружающей природы, в результате чего цвет становится символом связи с родиной, приводит к доминированию особых цветовых рядов, с которыми ассоциируются отдельные города и регионы. Четкие ответы на вопросы о том, почему и как мигранты могут «забирать» с собой свою родину и воспроизводить ее на новом месте, полностью подтвердились в ремарках участников секции.

В.И. Курашов дал философско-антропологическую интерпретацию визуального ряда деревянных (деревенских) и городских (каменных) построек и сделал вывод, что мир деревянной архитектуры остается наиболее естественной и психологически благоприятной средой обитания человека. В дискуссии мнения участников секции разделились: половина считала, что все прелести деревенской жизни зачеркиваются сложностью проживания в сельской местности, другая половина — наоборот.

Е.В. Николаева выявила статистически значимое различие в изображении города между светлыми / яркими красками художников русского авангарда 1910–1920-х гг. и темными тонами в цифровом фрактальном искусстве (fractal art) конца XX — начала XXI в. Приведенные ею примеры и выводы свидетельствовали об использовании fractal art архитекторами XXI в. при отсутствии образа человека в цифровых моделях фрактальных городов, что вызвало у слушателей многочисленные вопросы и комментарии.

Э.У. Омакаева рассказала об эволюции цветового символизма Элисты от бинарной системы к триаде и далее к пятичленной системе, ее доклад перерос в обсуждение участниками реле-

вантных проблем этнологии, где цветовая семантика нередко подменяется субъективно заданной символикой.

О.И. Уляшев провел анализ полевого материала по цветовой семантике коми в сопоставлении с хроматическим выражением этничности и сделал вывод о формировании урбанистических новообразований, находящихся вне традиционного семантического континуума коми. Доклад вызвал продолжительную дискуссию о «научном» пренебрежении семантикой цвета.

Н.В. Серов привел примеры хроматического представления таких понятий, как гендер, духовность, этничность и др., с позиций онтологического анализа цветовых образ-концептов с возможностью их операционализации в хроматизме как науке о реальном человеке в реальной окружающей среде. Базис для этого анализа в этнологии и антропологии — научный принцип воспроизводимости цветовых канонов, идиом, половиц, поговорок и прочего в истории мировой культуры.

В кулуарных обсуждениях запомнилось противоречивое отношение к реформе науки «сверху» при актуальной потребности в ее проведении «снизу».

4

Ситуации принципиального неприятия или непонимания другой научной позиции на данной секции не возникали. Как мне кажется, различия научных позиций участников конгресса на других секциях могли бы определяться в первую очередь типом мышления (право-/левополушарным).

## РОМАН ФЕДОРОВ

2

Я принял участие в качестве докладчика в работе секции «Доверительность и идентичность как социальный капитал». Она продемонстрировала, что проблемы этнокультурной идентичности в современном обществе играют системообразующую роль, определяющую как международные и межнациональные взаимодействия, так и закономерности развития отдельных этносов. Залогом плодотворной работы секции стала концептуально выстроенная последовательность докладов, предложенная ее руководителем М.А. Жигуновой. Благодаря этому выступления участников не только удачно дополняли друг друга, но и часто выступали в качестве логического продол-

**Роман Юрьевич Федоров**  
Институт проблем освоения  
Севера СО РАН,  
Тюмень  
r\_fedorov@mail.ru

жения начаты ранее тем. Большинство прозвучавших докладов представляло собой самостоятельные и оригинальные исследования, основой которых были уникальные полевые материалы.

**3**

Первым условным блоком стали выступления известных этнологов из стран Восточной Европы: Петера Вереша (Венгрия), Анджея де Лазари (Польша) и др. Несмотря на то что значительная часть их докладов была посвящена проблемам трансформации идентичности народов бывших стран Варшавского договора, большое внимание было уделено анализу этнокультурных стереотипов России и русских. Следует отметить, что возникший диалог на эту тему между восточноевропейскими и российскими учеными ни разу не переходил в плоскость принципиального неприятия или непонимания друг друга дискутирующими сторонами. Этому способствовала присутствовавшая во всех докладах и обсуждениях независимая и беспристрастная культура научного мышления. Именно она позволила развеять многие негативные стереотипы и предубеждения, сложившиеся в политике и обыденном сознании жителей бывших соцстран по отношению к России.

Следующая группа докладов была посвящена проблемам этнокультурной идентичности разных народов, населяющих Российскую Федерацию, а также поиску объединяющих начал, которые могли бы послужить продуктивной основой для выработки новой национальной идеи России. Теоретический и практический опыт исследователей, живущих в разных регионах страны, позволил разносторонне осветить многие специфические проблемы территориальных образований различных масштабов (регион, национальная автономия, город, деревня и т.д.), которые нередко остаются непонятыми или неочевидными для столичной общественной жизни.

Большой интерес участников секции вызвали доклады, посвященные региональной идентичности на территории Сибири и Дальнего Востока. Доклад М.А. Жигуновой (Омск), открывший данную тему, назывался «Региональная сибирская идентичность: мифическая угроза или “Ноев ковчег”?». Эта сентенция стала лейтмотивом, получившим свое развитие в последующих докладах. Основные выводы, прозвучавшие в них, можно свести к тому, что многообразие этнических и региональных идентичностей на территории России нужно рассматривать не как угрозу целостности государства, а скорее в качестве важного ресурса его развития, когда любовь к «малой родине» становится важным фундаментом развития родины в общегосударственном смысле. В докладе Г.Г. Ермак (Владивосток) были освещены многие актуальные проблемы иден-

тичности населения, находящегося на цивилизационном рубеже с Азиатско-Тихоокеанским регионом. К сожалению, рамки краткого обзора не позволяют в равной степени рассказать обо всех научных проблемах, которые были затронуты в работе секции.

5

Хотелось бы, чтобы диалог, начатый на секции «Доверительность и идентичность как социальный капитал», был продолжен ее участниками. Одной из форм его развития могло бы стать создание тематического интернет-форума или сообщества в одной из социальных сетей. Ввиду ограниченного объема тезисов конгресса большой интерес могло бы представлять издание по результатам его работы тематических сборников, в которых были бы представлены развернутые версии докладов и стенограммы наиболее интересных фрагментов обсуждений заявленных на них тем.

## ВАЛЕНТИНА ХАРИТОНОВА

Юбилейный Конгресс этнографов и антропологов России прошел, как обычно, весьма масштабно, шумно и радостно — от встреч с коллегами, с большинством из которых удастся видаться нечасто. Не буду оригинальной, если скажу, что именно это — одно из наиболее ожидаемых удовольствий от таких многолюдных мероприятий.

Впрочем, в этот раз встречаться и общаться было непросто, что можно отнести к ряду неприятных неожиданностей. Наша секция 39 «Неконвенциональная медицина в условиях современного города», как и несколько других, получили предложение найти варианты размещения вне здания Президиума РАН, поскольку на всех не хватало помещений. Разумеется, это вполне понятная причина, и пришлось пойти навстречу просьбе организаторов — удалиться за пределы родного института. Пожалуй, нам это было сделать проще, чем многим другим, т.к. помимо работы секции в рамках X КЭАР у нас был запланирован сопряженный с работой конгресса и секции симпозиум «Медицинская антропология в России и за ее пределами», который мы готовили вместе с сотрудниками Первого

**Валентина Ивановна Харитонова**

Институт этнологии  
и антропологии РАН,  
Москва  
Valkharit@iea.ras.ru



московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова. Именно в Сеченовку, в НИИ фармации, мы и напросились со всем нашим коллективом. Однако, как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят — секцию нам пришлось значительно трансформировать, разбросав большую часть докладов по другим секциям симпозиума (см. программу работы симпозиума: <<http://www.medanthro.ru/ru/events/item/197-03-05062013-vserossijskij-nauchnyj-interdistsiplinarnyj-simpozium-meditsinskaya-antropologiya-v-rossii-i-za-ee-predelami>>).

Это изменило наши изначальные планы. На три рабочих дня (3–5 июля) мы оказались на отдельной, правда по меркам Москвы не очень удаленной территории (станция метро «Профсоюзная»), и тем, кто должен был выступать с докладами на других секциях конгресса, приходилось ездить из одного места в другое. Таких людей было немало. Эти переезды не только осложняли жизнь самим «без вины виноватым», но и мешали организации работы нашего симпозиума: руководители секций были вынуждены периодически менять последовательность докладов. Для российской практики это обычное дело. Однако организаторы симпозиума до последнего дня выверяли свою программу, согласовывая с участниками их пожелания и уточняя возможности, чтобы такого не случилось, — не получилось...

Мне кажется, что наша творческая неорганизованность, повторяющаяся из раза в раз с завидным постоянством, — одна из негативных черт конгрессов. Возможно, надо наконец перейти к утверждению в программе одного доклада от каждого участника. И здесь стоит обратиться не только к организаторам, но и к участникам. Стремление коллег обеспечить себе 2–3 публикации тезисов выглядит для меня, например, странно: в конце концов это просто несерьезно — коллекционировать «публикации» такого рода. Кстати, особенно странно смотрятся такие опусы в один абзац за тремя и более ФИО, с чем оказалось совсем непросто бороться в многопрофильной аудитории нашего симпозиума. Понятно, когда под коллективно сделанным открытием подписывается большая группа исследователей, это открытие обеспечивших, но вряд ли стоит переписывать имена всех дружественных коллег под кратким изложением иногда не самых новых исследований... Будучи председателем оргкомитета симпозиума и руководителем секции 39, я пыталась бороться с таким положением дел — поэтому знаю, насколько это трудно. Но если будет единая установка в правилах конгресса, то мы сможем избежать многочисленных оргнакладок, связанных с попытками наиболее активных участников мероприятия успеть отметиться везде.

Пожалуй, в связи с этим есть смысл обратиться к еще одному организационному моменту. На нашем симпозиуме было принято решение о создании Ассоциации медицинских антропологов России. Кроме того, у нас уже существуют иные межрегиональные некоммерческие объединения (= ассоциации) и различные профессиональные сообщества. Учитывая то, что Конгресс этнографов и антропологов с годами все более наращивает свою численность, может быть, есть смысл постепенно переходить к работе по отдельным ассоциациям и МНО, по примеру американских коллег? Кстати, в этом свете можно было бы реформировать и саму Ассоциацию этнографов и антропологов.

На нашем симпозиуме — на двух пленарных и восьми секционных заседаниях — прозвучало более восьмидесяти докладов и выступлений. Секционные заседания работали параллельно (по два). Таким образом, на протяжении трех дней я участвовала в работе пленарных заседаний, руководила работой двух секций, а также присутствовала и участвовала в дискуссиях еще на двух. Надо отметить, что важнейшими требованиями к организации работы секций на симпозиуме было обязательное вступительное слово одного из модераторов, финальная дискуссия по проблематике секции, разумеется, хотя бы с частичным обсуждением докладов, и подведение итогов работы с формулированием предложений к резолюции симпозиума вторым модератором. Этот вариант работы был четко выдержан, и на втором пленарном заседании прозвучали все отчетные выступления модераторов секций, на основе которых была сформирована резолюция симпозиума (текст будет опубликован вместе с отчетом о работе симпозиума в пятом номере журнала «Медицинская антропология и биоэтика» <[www.medanthro.ru](http://www.medanthro.ru)>).

Доклады участников симпозиума различались по уровню, что неизбежно при наличии среди них людей с различным научным статусом и подготовкой: от студентов до академиков, от специалистов по медицинской антропологии и биоэтике из США и Австрии до этнографов, философов, фольклористов и т.д. из российской глубинки. Однако в нашей ситуации важнее было другое: мы искали взаимопонимания между представителями различных наук и научных направлений, претендующих на исследования в области медицинской антропологии. Поскольку в отечественной науке и сама эта область, и ее методологические установки находятся в стадии становления, то не всегда восприятие происходящего на заседаниях было спокойным и адекватным.

Вместе с тем было очевидно, что медицинская антропология — новое для российской науки (в предлагаемом методологиче-

ском ракурсе и объемах) научное направление — вызывает большой интерес не только тех специалистов, которые связывают с ней свои научные исследования, но и организаторов науки, ведущих российских ученых. Это подчеркнуло участие в пленарном заседании симпозиума академика В.А. Тишкова (директора ИЭА РАН), В.Н. Николенко (проректора по научной и инновационной деятельности Первого МГМУ им. И.М. Сеченова), Г.В. Раменской (директора НИИ фармации Первого МГМУ им. И.М. Сеченова), а также ряда других крупных ученых — гуманитариев и медиков.

## АНАТОЛИЙ ЯМСКОВ

### Впечатления о X Конгрессе этнографов и антропологов России

Мне довелось лично участвовать в работе как первых конгрессов, начиная со второго и по шестой включительно, так и последнего, десятого, так что отчасти я буду говорить ниже об этой форме организации научных встреч в целом.

1

Когда В.А. Тишков в первой половине 1990-х гг. задумал проведение такого рода конгрессов, у него, видимо, в качестве образца были два существенно разных по своим целям регулярно проводимых мероприятия. Это были, во-первых, советские совещания этнографов и физических антропологов (иногда вместе с археологами) по результатам недавних полевых исследований, которые в начале 1990-х гг. канули в Лету по вполне понятным причинам. Во-вторых — съезды Американской антропологической ассоциации. В итоге получилось скорее как в США, т.е. на наших конгрессах, и на последнем московском тоже, специалисты просто сообщают о своих работах и полученных результатах, в том числе необязательно новых или основанных на полевых материалах последних лет. Это является как достоинством, так и недостатком таких конгрессов. Их главная функция — показать, кто, где и чем занимается в данный момент, что важно для установления

**Анатолий Николаевич Ямсков**

Сектор этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН, Москва  
yamskov@bmail.ru

рабочих контактов с коллегами и в целом для фиксации меняющегося с течением времени интереса специалистов к тем или иным направлениям и областям исследований и эволюции тематики этнологических, физико-антропологических и смежных междисциплинарных исследований. Это несомненный плюс сложившейся к X Конгрессу практики их проведения.

Но есть и определенный минус в таком подходе, т.к. по сути на задний план отодвигаются важнейшие для нашей науки вопросы полевых исследований и их методики, и в многообразии заявленных докладов трудно вычлнить и услышать те, которые вводят в науку новые эмпирические материалы. Пожалуй, именно это является в моих глазах важнейшим недостатком, т.е. в отличие от позднего советского времени уже нет возможности каждые два года просматривать небольшой сборник тезисов и легко узнавать почти обо всех продолжающихся либо только что завершившихся экспедициях.

Тем не менее традиция проведения конгрессов уже сложилась и менять ее явно не следует. Но усилить междисциплинарный характер и с этой целью приглашать для организации секций и симпозиумов больше профессионалов из смежных наук, работающих в сферах междисциплинарных исследований совместно с этнологами и антропологами, стоит. Впрочем, такие изменения уже идут, и прошедший московский конгресс это только подтвердил — меня, например, особенно порадовало участие в нем специалистов в области культурной географии, организовавших свой круглый стол.

В качестве очень позитивного аспекта прошедшего конгресса, в котором эта черта проявилась особенно ярко, надо отметить и то, что он по факту превратился в международный. Для ученых из постсоветских государств такие конгрессы служат важнейшей площадкой для обмена опытом и установления новых рабочих контактов с коллегами.

2

Вместе с Н.А. Дубовой я был руководителем секции 36 «Расселение, миграция и адаптация в проблемном поле этнической экологии и этнической демографии» симпозиума 9 «Этнология и смежные дисциплины». Мы наряду с другими коллегами были также ведущими ряда заседаний этой секции. Работать нам пришлось все три дня, выделенных на заседания, так что на этот раз я не имел возможности посетить другие секции и симпозиумы.

Обращает на себя внимание огромный интерес к этой тематике — мы приняли и опубликовали в виде резюме 71 заявку из 10 государств, а российские участники представляли 6 республик и 20 краев и областей страны. К сожалению, далеко не все

смогли приехать в Москву, но и с учетом данного неизбежного фактора нам из-за перегрузки рабочей программы пришлось выделить пять докладов в качестве стендовых. Мы заслушали 37 докладов (не считая стендовых, обсуждавшихся в перерывах), причем удалось выделить по 5–10 минут на вопросы буквально по каждому докладу, и во многих случаях возникали дискуссии и споры по сделанным сообщениям. Ведущие заседаний выступали обычно и как модераторы, подводя итоги. Без преувеличения можно сказать, что секция работала весьма продуктивно и интересно как для участников, так и для слушателей, которые тоже были на каждом заседании.

Зимой 2013–2014 гг. предполагается публикация части заслушанных и заявленных докладов в серийном издании «Этнос и среда обитания» (ред. Н.А. Дубова и А.Н. Ямсков) с последующим размещением полного текста в открытом доступе на сайте «Этническая экология» <[www.ethnoecology.ru](http://www.ethnoecology.ru)>, о чем все участники заседаний были проинформированы. Выход планируемого тематического сборника позволит широким кругам специалистов оценить научный уровень и оригинальность проблематики многих докладов, прозвучавших на секции 36 X Конгресса этнографов и антропологов России, а также представить себе разнообразие этноэкологических и этнодемографических исследований, ведущихся как в России, так и за ее пределами.

**3**

В первый рабочий день, посвященный собственно этноэкологии, заседания вели я и В.Н. Адаев (Тюмень). В этот день наибольший интерес вызвал получивший самую высокую оценку доклад Т.Ю. Власкиной (Ростов-на-Дону, Южный научный центр РАН), в котором на фоне выразительного и обильного иллюстративного материала были детально рассмотрены адаптивные изменения в культуре донских казаков, восточных украинцев и русских крестьян черноземных губерний, имевшие место в ходе совместного заселения и освоения ими дельты Дона с конца XVIII в. по наши дни. Также стоит выделить еще два доклада. Методологический по преимуществу доклад Э. Цаневой (София, Болгария) был посвящен этноэкологическим аспектам изучения реакции местного населения на экологические (природные и техногенные) и социальные катастрофы, проводившегося специалистами из Болгарии и Китая в основном на китайских материалах. Доклад В.Н. Адаева сочетал методологические вопросы этноэкологии и богатый фактический материал, характеризующий причины и процессы освоения в XX в. долин небольших рек в центральной части Васюганских болот полиэтничным населением (ханты, эвенки, русские, чуваша), и включал анализ адаптивных изменений в их культурах и образе жизни.

Второй рабочий день был посвящен экологическим аспектам исследований физических антропологов и генетиков. Заседания в НИИ антропологии МГУ (а не в основном здании РАН) вели Н.А. Дубова и ее коллеги — генетики и антропологи. Не будучи специалистом в этой сфере, не рискну давать оценки, но наиболее активно обсуждался доклад Н.А. Дубовой о влиянии городской среды на изменение генофонда человеческого и формирование новых территориальных отличий городского населения.

В третий день заседание подсекции «Социокультурные и экологические аспекты миграций, урбанизации и демографических процессов» вела коллега по сектору этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН Н.И. Григулевич. Два доклада сделала О.Л. Курбатова с соавторами (Москва), посвятив их процессам урбанизации и формирования городского полиэтничного населения, которые авторы рассматривали с позиций генетики и демографии и оценивали с точки зрения медико-демографических и генетических последствий для вовлеченных в урбанизацию популяций. Общие методологические положения иллюстрировались в обоих докладах многочисленными фактами и цифрами по России и, в частности, по Москве. Обилие вопросов к докладчице и краткие дискуссионные выступления по затронутым проблемам ряда присутствовавших в зале гостей и участников позволяют выделить именно эти доклады в данной подсекции.

4

Острые вопросы, отчасти ставившие под сомнение некоторые выводы докладчика, и собственно дискуссионные выступления сопровождали, как кажется, большинство или по крайней мере очень многие доклады нашей секции. Но таковым и должно быть нормальное научное заседание. Никаких особых причин для непонимания или неприятия позиций участников я не увидел — были, как и следовало ожидать, погрешности в докладах или же в восприятии слов докладчиков.

5

Мои предложения по организации работы такого рода конгрессов имеют чисто технический характер. Во-первых, неприятным открытием стала нехватка помещений для заседаний в здании РАН, что заставило перенести некоторые секции и симпозиумы в другие институты и учреждения, и это фактически исключило или резко ограничило возможность для слушателей посетить такие заседания. Во-вторых, были введены ограничения на приглашение гостей-слушателей (вероятно, из-за нехватки помещений для заседаний и малых размеров некоторых залов), что тоже крайне нежелательно, ибо препятствует популяризации этнологических и антропологических знаний в среде аспирантов, студентов и коллег из других науч-

ных областей, а ведь это одна из важных функций такого рода масштабных мероприятий. Впрочем, на завершающие пленарные доклады из-за отсутствия свободных мест в зале все равно не попали многие участники и я в том числе.

Пожалуй, самый сложный для меня лично вопрос организационного плана — как именно можно совместить взаимоисключающие цели конгресса. С одной стороны, желательно дать возможность высказаться всем заявившим доклады. С другой стороны, участникам надо обеспечить реальную возможность обсудить услышанное в кулуарах, наладить новые профессиональные связи, подробнее узнать о работе коллег из других регионов и т.п., что требует выделения гораздо большего времени на перерывы. Кажется, московский конгресс был все же излишне перегружен в плане научной программы, и на неформальное общение участников были оставлены фактически лишь обеденные перерывы, банкет в начале и экскурсия по Москве-реке в конце нашей работы.

## АНОНИМ

**1**

Неприятной неожиданностью в работе X Конгресса стало отсутствие в его программе секции «Антропология академической жизни», которая в рамках всех предыдущих конгрессов была одной из самых многочисленных, популярных и успешных. Об этом, в частности, ярко свидетельствует предыдущий опрос АФ <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online>>. Что послужило причиной отклонения в ноябре 2012 г. заявки на проведение секции, подготовка к которой велась с июля 2011 г.? Необъяснимо, почему секция «Антропология академической жизни» не вошла в центральную тему конгресса «Современный город и социально-культурная модернизация России». Разве в современном городе уже нет академической жизни?